

С.В. Пирожкова

Философия как научная дисциплина: предмет, функции и задачи в современном контексте*

Пирожкова Софья Владиславовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pirozhkovasv@gmail.com

В статье дается характеристика философии как части современной системы производства научного знания в России, реконструируются основные аргументы против признания научного статуса за философскими знаниями, проводится различие между критикой научности философии со стороны самих философов и критикой, идущей от нефилософов: если первые полагают философию интеллектуальной деятельностью, превосходящей по своему функционалу науку, то вторые, наоборот, рассматривают ее как не способную соответствовать основным критериям научной познавательной деятельности. На основании реконструкции эволюции теоретического познания показывается, что если ядром и образцом современной науки является теоретическое естествознание, то есть теоретическое познание, позволяющее получать знания универсального характера, одновременно обеспечивая их эмпирическим содержанием через процедуры эмпирической интерпретации и проверки, то философия оказывается формой теоретического познания, результаты которого не могут быть подвергнуты столь же строгим процедурам установления эмпирического содержания. Однако этот факт оказывается проблемой только в том случае, если философия претендует на изучение тех же объектов, которые изучаются эмпирическими дисциплинами. Подобное провозглашалось программой советской научной философии и в советской же философии было поставлено под сомнение. Обосновывается, что предметом философии как научной дисциплины является мышление и его формы, инструментарий и результаты. При этом речь идет не о когнитивной активности, а о человеческой деятельности,

---

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-2230.2020.6 «Предмет, функции и задачи философии в современном контексте развития российской науки»).

объективированной в языке, понятийных и образных представлениях, культурных и социальных практиках и институциях, в том числе и в науке. Таким образом, наука, включая философию в свою структуру, приобретает возможность делать объектом познания не просто себя (это возможно и в рамках, например, науковедения), но собственные границы и основания. Это открывает для науки перспективу более эффективного проектирования собственного развития при одновременном понимании науки как человеческого предприятия и обеспечении ее гуманистической направленности.

Ключевые слова: философия, наука, теоретическое познание, спекуляция, культура, свобода, технаука

«**Наука или не наука?**» – один из ключевых для самоопределения философии вопросов. Вкупе с более общим вопросом «Что такое философия?» он обсуждается на вводных лекциях у студентов-философов и лекциях для студентов-нефилософов, поднимается во внутрифилософских дискуссиях и дискутируется на внефилософских площадках, причем не только научных, но и вненаучных. В России это может показаться странным, если не удивительным, поскольку философия вписана в отечественную научную структуру – систему профессиональной подготовки, присуждения ученых степеней, систему научных учреждений и тематическое планирование исследовательской работы. О достижениях отечественных философов регулярно рассказывается в итоговых докладах президента РАН о научных достижениях, полученных российской наукой за год, философы ведут работу по линии государственных заданий, спускаемых научным учреждениям органами исполнительной власти, и перспективных исследований, поддерживаемых государственными фондами. Тем не менее существует аргументированная позиция, в соответствии с которой философия не является наукой и ее зачисление в ряд академических дисциплин – историческая ошибка, наследие советской системы идеологизированной науки. Недоброжелатели любят ставить в укор философии невозможность получения окончательных ответов, нескончаемое воспроизведение одних и тех же дискуссий, отсутствие прогресса и когнитивных результатов, описывающих эмпирическую реальность таким образом, чтобы знания могли бы быть сопоставлены с ней и которой они позволяли бы управлять. Для приверженца позитивистского мировоззрения, признающего ценность только позитивного знания – твердо установленных фактов, не подлежащих пересмотру, а потому служащих твердым основанием для действия, – философия с ее всепроникающим и неустанным сомнением, плюрализмом позиций по одному и тому же вопросу и невозможностью устранить этот плюрализм представляется сущим кошмаром. Да и сами философские знания в позитивистской парадигме, как известно, – никакие не знания, а бесплодные игры мышления, для которых подходит разве что понятие «спекуляция» или «схоластика».

В контексте конкурентной рыночно ориентированной науки, каковой постепенно становится российская система научных учреждений, а также сохраняющейся тенденции на постоянное реформирование, улучшение и оптимизацию подобные нападки не могут восприниматься в духе извечного спора физиков и лириков. Философии необходимо конструктивно отвечать на возникающие

вопросы к ее научному статусу. В настоящей статье будут представлены контуры возможного программного ответа и показано, почему философия не бесполезна, не противоположна научному познанию, а является его частью, каковы ее предмет, функции и задачи в современном контексте развития науки в нашей стране.

Расходящиеся формы теоретического познания и функции научной философии. Особое удивление у стороннего наблюдателя может вызвать еще и тот факт, что не только зловерный чиновник, не желающий выделять деньги на философию, или конкурирующий с философами за средства представитель какой-либо другой дисциплины отстаивают взгляд на философские штудии как ненаучные. И от профессиональных философов можно услышать проговоренный вскользь, а иной раз и четко артикулированный и даже обосновываемый тезис «философия – это не наука». При этом если нефилософы обычно считают философию чем-то, «не дотягивающим» до статуса науки, то философы считают ее скорее чем-то большим, чем наука. В.В. Васильев, вспоминая дискуссии о научности философии, при которых ему довелось присутствовать в конце 1980-х – начале 1990-х гг., очень точно описывает настроение, которое и сегодня звучит в выступлениях и работах многих философов: «Участники этих споров могли горячо отстаивать ненаучность философии, как будто ненаучность – это достоинство» [Васильев, 2019, с. 7]. Пытаясь объяснить такую позицию коллег, Васильев пишет, что она была своеобразным вызовом концепции «научной марксистской философии» – философии диалектического материализма.

Детальнее погружаясь в ведшиеся тогда и более современные дискуссии, можно обнаружить зависимость позиции философа по поводу научного статуса его дисциплины от того, что он понимает, во-первых, под такой научностью, т.е. под научностью философии (как это было в случае выстраивания альтернативы диамату), во-вторых, под научностью вообще, т.е. как он определяет природу науки и научного знания. Сами философы не всегда четко артикулируют эти предпосылки своих рассуждений и, как следствие, не проблематизируют их. Еще более слепой эта зона в структуре аргументации оказывается у нефилософов, апеллирующих к конкретному пониманию того, что есть наука, и не осознающих ее историческую изменчивость и преходящий характер той или иной формы ее существования.

Различая философию и науку, например, как спекулятивное (умозрительное) и позитивное (эмпирическое) знание, нельзя не признать, что, во-первых, они обе реализуют рациональную стратегию познания, а во-вторых, обе опираются на теоретическое познание – на конструирование идеальных объектов и идеальных ситуаций, на мысленные эксперименты и работу с понятиями. Теоретическое познание имеет длительную историю развития, берущую начало в Древней Греции. Именно там математика отрывается от практики и решения насущных практических задач, получая иную направленность – отвлеченную, предполагающую поиск сущностного плана реальности, другими словами, поиск объяснения наблюдаемой эмпирической реальности. Параллельно формируется не математическое, а натурфилософское объяснение реальности – объяснение не через числовые построения, как у пифагорейцев,

а посредством рассуждений и мысленного конструирования. Размышления над опытом, обобщение, выводы по аналогии, конструирование скрытого плана реальности, позволяющего объяснить наблюдаемые явления, связав их в целостную непротиворечивую картину мира, – так рождается не только философия, но исторически первый тип науки [Рожанский, 1980], формируется теоретическое познание действительности. Чуть позднее объяснение действительности через построение теорий распространяется на человека и человеческий мир, давая начало социальной и политической философии, этике и эстетике. Уже в IV в. до н.э. Аристотелем создается классификация наук, в которой познание природы и познание первых принципов – физика и метафизика – разведены, оставаясь взаимосвязанными и равно необходимыми для целостного познания реальности в рамках эпистемы – истинного знания.

На протяжении столетий философия и теоретическая наука остаются синонимами. Еще и в Новое время естествознание в теоретической своей части носит имя натуральной философии (эмпирическая составляющая естествознания, ориентированная на описание и классификацию, получает имя натуральной истории). Однако теоретическое познание существенно меняется, обеспечивая становление науки современного типа и предопределяя дифференциацию науки и философии. Интеллектуальное возрождение Европы начинается не в XIV или XV вв., а с формированием городов и становлением университетов [Уваров, 2000], но век расцвета университетской учености сменяется стагнацией – университеты постепенно превращаются в консервативные учреждения, бурление интеллектуальной жизни уходит сначала в кабинеты переводчиков-гуманистов, ищущих знания в работах древних [Ле Гофф, 2003], а затем в разнообразные кружки и общества – не только гуманистов, но и интересующихся преимущественно познанием природы [Елизаров, 2000; Копелевич, 1974]. В этой среде крепнет критическое отношение к университетской традиции – схоластике, философии, не дающей подлинных знаний и погрязающей в бесплодных спекуляциях. Это отношение ярко выражается в творчестве Ф. Бэкона, противопоставляющего спекулятивному знанию знание, полученное путем скрупулезной работы с данными опыта. Не менее ярко оно проявлено и в позиции Р. Декарта, хотя в отличие от Бэкона он ориентируется не на работу с эмпирическими данными, а на математические науки. Столь не схожих между собой мыслителей объединяет идея отстройки заново системы теоретического знания. По стечению исторических обстоятельств в качестве визави обоих авторов можно назвать Аристотеля. Аристотель ассоциируется одновременно и с философской традицией, с которой неразрывно связан главный враг – схоластика, и с ложной традицией познания природы. Другими словами, Стагирит критикуется и как метафизик, и как физик. Так, в диалогах Галилея Аристотелевской физике противопоставляется математизированное знание, опыту – математизированное эмпирическое познание. Эксперимент по своей сути предполагает наличие теоретического знания, роль эксперимента – превращать теоретическое знание в нечто большее, чем спекуляция, обеспечивать его эмпирическое содержание. Математизированный эксперимент – то нововведение, которое коренным образом меняет теоретическое знание и становится решающим фактором формирования нового типа науки,

предопределяя ее отмежевание от философии. Можно сказать, что математизированный эксперимент представляет собой своеобразную интеграцию позиций эмпирика Бэкона и рационалиста Декарта. Если же быть точнее и исторически корректнее, то надо сказать, что Бэкон и Декарт выражали две разные интуиции, обнаруживающиеся при анализе развивающейся научно-исследовательской практики, первая из которых ориентировала на опыт, а вторая – на математику, и которые в итоге оказались интегрированными в рамках единой методологии математизированного естествознания.

Итак, теория должна не просто объяснять феноменальную реальность, она должна проверяться, и для этого нужно конструировать ситуации, близкие к тем, о которых говорит теория и которые не встречаются при естественном ходе вещей. Уже к XX в. эту принципиальную особенность данного, отличающего новоевропейскую науку типа теоретического познания сделают критерием научности теорий, определив ее сначала как положительную потенциальную проверяемость (верифицируемость), а затем как негативную потенциальную проверяемость (фальсифицируемость). Возможность делать успешные предсказания остается одним из основных признаков научного знания. Философия с этой точки зрения может продуцировать только прогнозы, при этом не количественного, а так называемого качественного характера. Другими словами, от философии можно ожидать только правдоподобных прогностических утверждений, полученных способом, который не гарантирует их истинности, более того, не опирающихся, как современное количественное прогнозирование, на большие массивы данных и их математический анализ и описывающих реальность довольно нестрогим (качественным) образом.

Еще одна принципиальная идея Бэкона, приобретающая популярность в среде формирующегося сообщества ученых-естествоиспытателей, – идея полезной науки, науки ради достижения счастья человечества, причем не блаженства познающего, а блаженства живущего, нуждающегося в лучших материальных условиях, предотвращении катастроф и т.д. Эксперимент, неразрывно связанный с созданием искусственных ситуаций и разработкой технических приспособлений, открывал дорогу преобразованию инженерного творчества и, как следствие, технологическому прогрессу. Так складывалась форма науки, теснейшим образом интегрированная с техникой и ее разработкой. Место гуманитарного знания в науке, ориентированной на создание базы для технологического прогресса, оказывается довольно маргинальным, что сказывается и на философии.

Обозначенные тенденции достаточно долго не приводили к разрыву философии и науки. Как отмечает немецкий исследователь философии Просвещения В. Шнайдерс, «до Лейбница и Ньютона философия... выступала собирательным именем... всех возможных видов знания, охватывая, например, как *philosophia naturalis*, так и современное естествознание. Позднее, в XVIII веке все-таки начались процессы дифференциации, которые привели у Канта к отчетливому различию между наукой (математическим естествознанием) и философией (метафизикой)» [Шнайдерс, 1998, с. 17]. И только в XIX в. метафизика начала подвергаться критике со стороны представителей специальных наук. В этот период дисциплинарное знание и научная специализация сложились как

новые формы научного познания и сделали построение общей теории природы проблематичной задачей. Натурфилософская спекуляция оказалась неспособной вобрать и обобщить данные специальных наук, но главное – не сумела предложить эвристичные концептуальные формы, которые можно было положить в основание естественнонаучных теорий. Тот факт, что некоторые принципы, например, Гегелевской философской системы впоследствии оказались востребованы в естественных науках, не мог обратить размежевание естествознания и философии как физики и метафизики.

Таким образом, по мере становления новоевропейской науки метафизика утрачивала статус эпистеме – научной теории в ее новом понимании, оставаясь при этом спекулятивным знанием [Огурцов, 1995] – умозрительным, опирающимся исключительно на рефлексию, рассуждение, мысленное конструирование, а не на работу с эмпирией. Кант в «Критике чистого разума» разводит эти области следующим образом: «Теоретическое знание бывает спекулятивным, если оно направлено на такой предмет или такие понятия о предмете, к которым нельзя прийти ни в каком опыте. Оно противоположно познанию природы, которое направлено только на те предметы или их предикаты, которые могут быть даны в возможном опыте» [Кант, 1964, с. 546–547].

Произошедшее расхождение философской спекуляции и погруженной в опытное познание научной теории предопределило две противоположные трактовки философии, о которых говорилось ранее. С точки зрения математизированного экспериментального естествознания, вокруг которого выстраивалась современная наука и которое сделало теорию инструментом познания и преобразования эмпирической реальности, философии не хватает эмпирической фундированности. Если философы и работают с эмпирией, то делают это не строго, поэтому и эмпирическое содержание философских знаний остается вопросом интерпретации. Философия рассуждает и конструирует, тогда как наука – просчитывает и высчитывает, конструирует и проверяет. Правда, иначе и быть не может, поскольку философия занимается абстрактными объектами – предельными категориями, соотнесение которых с эмпирической реальностью ни на что, кроме интерпретации, опираться не может. Хотя любой специалист, исследующий теоретическое знание и его соотношение со знанием эмпирическим, укажет, что теоретические объекты и утверждения не выводятся и не сводятся к эмпирическим данным, но тоже требуют интерпретации, можно продолжать апеллировать к строгости – на сей раз процедур такой интерпретации.

Аргументация тех, кто считает философию чем-то большим, чем наука, апеллирует к предоставляемой философией возможности делать объектом рационального познания то, что наука исследовать не может, – упомянутые предельные категории, фундаментальные принципы, наиболее общие и абстрактные вопросы. Наука как познавательная деятельность функционирует в границах подобных предельно абстрактных категорий, но конструировать их, анализировать, критиковать и совершенствовать – не ее задача. Если наука отвечает за знание, то философия – за возможность знания, точнее, за обоснование того, как оно возможно. Подобную позицию можно обнаружить уже в античной традиции [Волкова, 2017], для современной философии и науки ее наиболее четко сформулировал И. Кант, в отечественной философии науки

она также широко представлена. Например, из работ В.С. Степина можно сделать вывод, что наука – тот самый опытный полигон, на котором тестируются философские наработки. Таким образом, наука играет для философии ту же роль, какую для науки играет опыт. Но эту же роль играет не только наука, но и социальные практики и иные сферы деятельности – искусство, политика, хозяйство, религия. Для них всех философия мастерит столпы, на которых они и держатся. Поэтому В.С. Степин говорит о конструктивных и прогностических функциях философии [Степин, 2009], подразумевая под этим разработку методологических принципов и подходов, абстрактных объектов и категорий, которые могут оказаться востребованными в науке, культуре и социальной практике. Это соотношение науки и философии понимается не только философами, но и учеными: «Значение физических наук для философии состоит не только в том, что они все время пополняют сумму наших знаний о неодушевленной материи, но и прежде всего в том, что они позволяют подвергнуть проверке те основания, на которых покоятся наши самые первичные понятия, и выявить область их применимости» [Бор, 1961, с. 141]. Отсюда очевидна и возможность движения в обратном направлении. Когда ученые обнаруживают недостаточность или ограниченность базовых для своей области принципов и категорий, они обращаются к философам и к собственным философским размышлениям, что хорошо видно на примере философских исканий создателей квантовой механики или представителей когнитивной науки (весьма показательна в это смысле одна из последних работ К.В. Анохина [Анохин, 2021]). Более того, возрождение интереса к метафизическим вопросам как со стороны философских традиций, формировавшихся на основании ее критики (аналитической философии), так и со стороны ученых – представителей естественных наук, свидетельствует о невозможности отказаться от философской спекуляции, а также о том, что она не противоположна научному познанию.

На протяжении двух с половиной тысячелетий философия осуществляла фронтальные исследования, она первая бралась за те или иные области реальности, иницируя их рациональное познание. Она пыталась мыслить о человеке, сознании, познании, природе, обществе. Философия наработывала соответствующий материал – формы и способы мышления, а затем они использовались в том числе и в рамках позитивного научного познания. Именно за этим ученые-дисциплинарии и обращались к философии на протяжении, например, последнего столетия. Они искали – и продолжают искать сегодня – новые формы мышления о своем предмете. Идентифицировать ли при этом философскую деятельность как научную – это не столько вопрос и проблема философии, сколько проблема самой науки. Да, философия балансирует на пределе возможностей рационального познания и от этого периодически оказывается за его границами – в области мистического или экзистенциального переживания. Как научная дисциплина она должна определять такие предельные точки, но, оказываясь по другую сторону, сама теряет научный статус. Но для философии в этом нет проблемы, поскольку в таких переходах, отбывтиях и возвращениях реализуется свобода интеллектуального поиска. Если культура – это предметное воплощение человеческой свободы [Межуев, 2006, с. 44], то философия как самосознание культуры есть реализация этой свободы

в мышлении. Поэтому нельзя не понять тех философов, которые отстаивают ненаучность философии, точнее, ее отличие от науки. Наука с ее нормами исследовательской деятельности, методологическими правилами, критериями и линиями демаркации требует и от философии ограничения свободы мышления. Например, требует считать Рассела легитимным академическим философом, а Ницше – философствующим проповедником, Патнэма – ученым-гуманитарием, а Жижека – раздутой масс-медийной фигурой. Зачем философии подобные ограничения? Зачем отсекают какой-либо путь мышления, постижения реальности и порождения смыслов? Не думаю, чтобы философия была в этом заинтересована.

Присутствие философии в границах системы научного знания по существу, если отбросить соображения престижа, общественного статуса, финансового благополучия, необходимо не ей, а науке. Сохранение философии в структуре научного знания для науки равнозначно сохранению контроля не только над собственной вотчиной внутри определенных границ, но и над этими границами. Такой контроль гарантирует возможность самоопределения и саморазвития, выбора самой наукой того, какой она будет, какую роль в культуре будет играть. Можно, конечно, усомниться, что науке нужна такая свобода. Я приведу лишь один аргумент: наука исторически изменчива, полагать, что она достигла наивысшей и окончательной точки развития – значит, во-первых, пребывать в плену исторического презентизма, а во-вторых, обрекать себя на объектность в потоке непрерывного процесса перемен.

Современные тенденции развития науки и актуальные задачи философии. В аннотации к беседе В.Н. Поруса и Ю.М. Резника под заголовком «О современной ситуации в отечественной философии» имеется пассаж, отражающей скепсис, который испытывают сегодня философы по отношению к науке. В нем провозглашается кризис отечественной философии, суть которого определяется как ее постепенное перерастание «в побочный продукт интеллектуального развития общества. Она... перестает быть тем, чем была раньше, – смыслотворческой, мировоззренческой и просветительской деятельностью, превращаясь все больше в методологический придаток прикладной науки или инструмент политической идеологии» [Порус, Резник, 2020, с. 226]. В настоящей статье читатель тоже уже столкнулся с характеристикой позиции «философия не наука» как вырастающей якобы из позитивистского мировоззрения. Думаю, и меня, и беседовавших о ситуации в современной российской философии В.Н. Поруса и Ю.М. Резника можно упрекнуть в неаргументированном приписывании ярлыков и возразить, что позитивизм давно уже не определяет самосознание науки, а помимо прикладных существуют еще и фундаментальные исследования и непонятно, почему для философии может быть унизительным выступать методологическим сопровождением фундаментальных изысканий.

Хотя позитивистская интерпретация природы научного познания на протяжении XX в. неоднократно обнаруживала свою несостоятельность как концепция философии науки, теоретические неудачи позитивизма сопровождались непрекращающейся утилитаризацией науки, которая становилась все более прагматически ориентированной, фактически реализуя позитивистское

кредо. Напомню, что для О. Конта, основателя позитивизма, научное знание выступало не столько самоцелью, сколько средством – инструментом достижения позитивного состояния общества. Наука теряла здесь свое трансцендентальное и экзистенциальное измерение, начинала трактоваться чисто утилитаристски, и неудачи последующих позитивистских программ – второго и третьего позитивизма – не отменили и даже не ослабили начавшийся в XIX в. разворот в сторону науки, приносящей социальные блага определенного рода – повышающие уровень материальной жизни человека и экономические показатели социума. Во второй половине прошлого века эта тенденция на прагматизацию, или, используя понятие Б.И. Пружинина, прикладнизацию, научного познания стала захватывать и область социальных и гуманитарных наук, что вылилось в расширение соответствующей повестки проводящихся исследований и развитие социальных и гуманитарных технологий. Обозначенный поступательный процесс изменения норм и ценностей научной деятельности и ее социокультурного облика я определила ранее как технонаучный социокультурный проект ее развития и систематизировала негативные последствия реализации этого проекта [Пирожкова, 2021]. Среди последних: деградация научного знания вплоть до рецептурного, передача творческих и субъектных функций от человека к технической среде, потеря культурной автономии науки и значения познавательной деятельности как важнейшей ценности для любой локальной человеческой культуры.

Отношение социогуманитарных дисциплин, к которым обычно относится и философия, к обозначенной технонаучной стратегии развития науки является двояким. С одной стороны, многие разделяют опасения по поводу ее продолжающейся экспансии на все области научного знания, с другой – все больше появляется работ, обосновывающих прикладную ценность не экономических и социологических дисциплин или психологии, которая вполне очевидна, но и теории культуры, литературоведения, культурной и исторической антропологии. Появляются соответствующие проекты и в философской среде, где традиционную область практической философии надеются переформатировать в прикладную философию, установив связь между анализом абстрактных понятий и формулированием на этом основании деятельностных программ, помогающих ориентироваться в повседневной жизни [Габрилиян, 2020]. В контексте настоящей работы важно, что прикладнизация выступает новым критерием научности, принадлежности к полезной технонауке.

Желание приблизить философию, как и другие социогуманитарные науки, к жизни и показать их не меньшую необходимость обществу, чем необходимость точных, естественных и технических наук, на мой взгляд, нельзя не приветствовать. Но также нельзя не приветствовать и неприятие экстремальных форм прикладнизации гуманитарного знания, поскольку это в принципе противоречит идее познания человека и культуры как самоценных и нередуцируемых к иным видам форм бытия. Примером более взвешенной позиции и программы действий представляется мне проект SHAPE. Конечно, можно раскритиковать название – *Social Sciences, Humanities and the Arts for People and the Economy*, отнеся на этом основании весь проект к очередной попытке вписать социальные и гуманитарные науки в систему академического капитализма. Однако

знакомство с содержанием программы показывает, что речь идет не о «служении рынку», а о решении проблем современного общества, часть которых вызвана в том числе и современной формой организации хозяйства.

Интенция авторов заключается в том, чтобы донести до общества простую, но не всегда очевидную истину: без познания человека, культуры и общества, без фундаментальных знаний, которые дают история, антропология, география, право, политология, социология, экономика, философия, теория искусства и множество других дисциплин, человеческая цивилизация лишается понимания самой себя. Без этого, т.е. без осознания индивидуальным человеком и коллективным историческим субъектом – человеческой цивилизацией – самих себя, любая деятельность обречена в лучшем случае на неэффективность, в худшем – на умножение негативных непредвиденных последствий, и в самом плохом – на катастрофический результат. Социальные и гуманитарные науки сфокусированы на том, каково это – быть человеком, они дают обществу и отдельному индивиду знания «о человеческом мире – о людях и обществах разных эпох и пространственных локаций. О том, как мы ведем себя, управляем собой и выражаем себя, как используем власть, создаем рынки, государства, семьи, религии, культуры и сообщества. Они раскрывают то, что делает нас теми, кто мы есть, и других – теми, кто они есть, и то, какими мы и другие были и будут» [Black, 2020]. При такой постановке задачи приближения философии к жизни, по сути, речь идет не о вульгаризации философии, спускающейся с теоретических высот, а о если не восхождении общества до этих высот, то, по крайней мере, встрече философа и обывателя, философии и повседневности где-то посредине.

Подобной должна быть и позиция науки в целом – не слепое следование запросам общества, но критический анализ этих запросов, то есть сохранение просвещенческой установки на приобщение общества к знанию, а не на передачу знания в общественное пользование без внимания к тому, о каком обществе, каких нравах и потребностях идет речь. Присутствие философии среди научных дисциплин не только обеспечивает выполнение наукой задач теоретического познания наивысшего уровня – осмысления условий собственного существования, но и свободы самоопределения и критики условий как своего бытия, так и бытия иных социальных институтов и составляющих человеческой культуры.

Преображаться ли окончательно в технонауку, следовать идеалу полезного или, напротив, идеалу чистого знания, отдавать приоритет созданию технологий или развитию человеческого понимания (С. Тулмин) – это вопросы, на которые наука может дать любой ответ. Задача философии заключается не в том, чтобы подвести к определенному – отрицательному или положительному – ответу, а в том, чтобы способствовать принятию наукой на себя ответственности за собственную судьбу и развитию умения выстраивать различные стратегии своего социокультурного будущего и выбирать между ними.

Вместо заключения: предметная специфика философии как источник ее своеобразия. Благодаря установлению советского строя и большевистской идеологии философия, бывшая на протяжении XIX в. маргинальной дисциплиной, не только подвергавшейся цензуре и вытесненной в сферу публицистики и журналистики, но и на десятилетие фактически запрещенной (с начала

1850-х гг. философия была исключена из университетской программы), вернула себе статус главной науки. Философия была объявлена наукой, располагающей знанием о наиболее общих закономерностях развития природы, общества и человека, причем знанием непогрешимым, поскольку в форме марксистско-ленинской школы она достигла наивысшей точки развития. Поэтому все науки должны были опираться на философские знания и согласовывать свою деятельность с предписаниями философов. Возникла уникальная для современной науки ситуация, когда естественные и точные науки (science) оказались не просто интегрированными с дисциплиной, относящейся к области humanities, но и под ее контролем. Поскольку это был насильственный акт, продиктованный политической и идеологической целесообразностью, а не внутренней логикой развития науки, он обернулся негативными последствиями и для философии, и для всех остальных дисциплин. Однако тот факт, что после распада СССР философия не была изгнана прежде всего из Академии наук, свидетельствует о том, что ей удалось выстроить себя как легитимную научную дисциплину, даже невзирая на испытываемое идеологическое давление. Эта легитимность строилась на признании правомерности особого вида теоретизирования, предметом которого выступали абстрактные категории, понятийный аппарат, стратегии мышления, используемые в науке, обыденном познании, искусстве, религии, мифологии и иных областях человеческой жизнедеятельности. Научное сообщество видело различие между такими исследованиями и работами, закреплявшими, развивавшими и просто поддерживающими функциональность идеологических догм марксизма-ленинизма.

Если бы предметом философии действительно являлись наиболее общие закономерности или принципы устройства различных регионов бытия, претензии к ней, о которых упоминалось в самом начале статьи, были бы правомочными. Претендуя на познание механизмов протекания природных и даже общественных процессов, философия обязана продуцировать знания, в основных характеристиках неотличимые от физических, биологических, экономических или психологических. Но изучая мышление, философия имеет дело не с привычными природными или социальными процессами, а с тем самым воплощением человеческой свободы, о котором говорилось выше. Пережив ужасы нацистских концлагерей, психолог и философ В. Франкл писал, что в любой самой безвыходной ситуации, казалось бы, тотальной несвободы у человека в действительности сохраняется свобода – в форме свободы выбора отношения к происходящему. Вывод Франкла говорит о большем, чем сохранение человеческого достоинства и ощущения свободы. Он показывает, что не только природа, но и общество – это царство необходимости, по крайней мере, когда мы смотрим с позиции отдельного индивида. Но мышление, как локализованное в отдельной человеческой черепной коробке, так и объективированное в форме философских концепций, дисциплинарных стратегий познания, визуальных и аудиальных миров искусства, – это царство свободы. Не только разные философские школы и разные художники/композиторы/скульпторы, но и различные дисциплинарные онтологии реализуют свободу человека – свободу воспринимать нечто различным образом, представлять и исследовать в различных оптиках, создавать различные воображаемые миры.

В философии не может быть однозначного знания о чем-то, например об идее добра или категории божественного. Задача философии представить все возможные способы существования этих мыслительных конструкций, а также выявить и указать на те следствия, которые влечет каждый из способов, воплощаясь в определенных действиях, практиках, видах организованной деятельности и явлениях культуры. Мышление как предмет философии – это не определенный вид когнитивной активности, которая разворачивается в соответствии с выделяемыми усилиями психологии механизмами и закономерностями функционирования, а ключевой, точнее, корневой феномен культуры. Это основание, отвечающее за производство культурного многообразия и его упорядочивание, другими словами, за производство и воспроизводство культуры в целом. Изучаемое философией мышление существует не только в форме индивидуального или коллективного интеллектуального процесса, но и в объективированной форме – в форме знаний, идей, представлений, противоборствующих мнений, вопросов и ответов. Именно о таком мышлении пронизательно писал Э.В. Ильенков. Если в начале своего творческого пути он, определив мышление в качестве предмета философии, фактически свел ее к теории познания (в легендарных «Тезисах о предмете философии»), то с развитием концепции идеальной предметные рамки философии оказались расширенными, включив все области философского знания – от онтологии до философии культуры.

Постулируя, что философия исследует человеческий мир, мы вовсе не ограничиваем ее притязаний, ведь все знания о мире, которыми мы обладаем, опосредованы нашей человеческой природой, и одновременно наша человеческая природа отражает ту реальность, в которой возникла. Как часть науки философия кроме уже выделенных функций призвана постоянно напоминать профессиональному сообществу о том, что наука – это человеческое предприятие, а не стерильно объективный взгляд на познаваемые объекты. Философия обязана обеспечивать гуманистический характер науки, предотвращая ее дегуманизацию и алгоритмизацию.

Список литературы

Анохин, 2021 – Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

Бор, 1961 – Бор Н. Квантовая физика и философия // Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 139–147.

Васильев, 2019 – Васильев В.В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6–18.

Волкова, 2017 – Волкова Н.П. О делении философских дисциплин и единстве философского знания у Аристотеля // СХОДН. 2017. Т. 11. № 2. С. 482–492.

Габриелян, 2020 – Габриелян О.А. Практическая и прикладная философии: пазлы общей картины // Практическая философия: состояние и перспективы. Сборник материалов 3-й научной конференции / Под ред. О.А. Габриеляна. Симферополь: Типография «Ариал», 2020. С. 7–14.

Елизаров, 2000 – *Елизаров В.П.* «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» // *Пространство и время в современной социологической теории* / Под ред. Ю.Л. Качанова. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. С. 103–127.

Кант, 1964 – *Кант И.* Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

Копелевич, 1974 – *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 268 с.

Ле Гофф, 2003 – *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. 2 изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. 160 с.

Межуев, 2006 – *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

Огурцов, 1995 – *Огурцов А.П.* От натурфилософии к теории науки. М.: Ин-т философии РАН, 1995. 317 с.

Пирождкова, 2021 – *Пирождкова С.В.* «Чистая» или «полезная»: культурный статус науки и перспективы его изменения // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26. № 2. С. 52–67.

Порус, Резник, 2020 – *Порус В.Н., Резник Ю.М.* О современной ситуации в отечественной философии (23 марта 2020 г.) // *Личность. Культура. Общество*. 2020. Т. XXII. Вып. 1–2 (№ 105–106). С. 226–228.

Рожанский, 1980 – *Рожанский И.Д.* Античная наука. М.: Наука, 1980. 198 с.

Степин, 2009 – *Степин В.С.* Конструктивные и прогностические функции философии // *Вопросы философии*. 2009. № 1. С. 5–10.

Уваров, 2000 – *Уваров П.Ю.* История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. 98 с.

Шнайдерс, 1998 – *Шнайдерс В.* Deus est philisophus absolute summus. О философии Христиана Вольфа и понятии философии / Пер. с нем. и коммент. О.М. Зелениной; науч. ред. Г.Л. Тульчинского // *Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство* / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. С. 15–46.

Black, 2020 – *Black J.* Shape – A Focus on the Human World. 11.02.2020. URL: <https://www.socialsciencespace.com/2020/11/shape-a-focus-on-the-human-world/> (дата обращения: 31.08.2021).

Philosophy as a scientific discipline: subject, functions and tasks in modern context*

Sophia V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: pirozhkovasv@gmail.com

The article describes philosophy as a part of the modern system of scientific knowledge in Russia, reconstructs basic arguments against the recognizing philosophy as a scientific discipline, distinguishes between philosophers and non-philosophers criticism of philosophy scientificity, shows that while the former consider philosophy as an intellectual activity which is superior to science in its functionality, the latter, by contrast, regard it as unable to meet

---

* The reported study was funded by the President’s Council on Grants for Young Russian Scholars-Candidates of Science (Project number MK-2230.2020.6 “Subject, functions and tasks of philosophy in the modern context of the development of Russian science”).

the basic criteria of scientific knowledge. Based on the reconstruction of the evolution of theoretical knowledge, it is shown that if the core and model of modern science is theoretical natural science, which allows to obtain universal theoretical knowledge, providing it with empirical content through procedures of empirical interpretation and testing, then philosophy is a form of theoretical knowledge, that cannot be subjected to the same rigorous procedures of establishing empirical content. However, this fact only proves to be a problem if philosophy claims to study the same objects that empirical disciplines study. Such a claim was proclaimed by the program of Soviet scientific philosophy, and it was questioned in Soviet philosophy as well. It is argued that the subject of philosophy as a scientific discipline is thinking and its forms, tools, and results – not cognitive activity, but human activity, objectified in language, conceptual and figurative representations, cultural and social practices, and institutions, including science. Thus, science incorporating philosophy into its structure acquires the possibility to make not just itself (it is also possible within, for example, the framework of science studies), but its own boundaries and foundations the object of cognition. This opens the prospect for science to design its own development more effectively, while understanding science as a human enterprise and ensuring its humanistic orientation.

Keywords: philosophy, science, theoretical knowledge, speculation, culture, freedom, technoscience

References

Anokhin, K.V. “Kognitom: v poiskakh fundamental’noj neironauchnoj teorii soznaniya” [Cognite: In Search of a Fundamental Neuroscientific Theory of Consciousness], *Zhurnal vysshej nervnoj dejatel’nosti im. I.P. Pavlova*, 2021, vol. 71, no. 1, pp. 39–71. (In Russian)

Bohr, N. “Kvantovaja fizika I filosofija” [Quantum Physics and Philosophy], *Atomnaja fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic Physics and Human Knowledge]. Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury Publ., 1961, pp. 139–147. (In Russian)

Vasiliev, V.V. “Metafilosofija: istorija i perspektivy” [Metaphilosophy: History and Perspectives], *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 2, pp. 6–18. (In Russian)

Volkova, N.P. “O delenii filosofskikh distsiplin i edinstve filosofskogo znaniya u Aristotelja” [On the Division of Philosophical Disciplines and the Unity of Philosophical Knowledge in Aristotle], *ΣΧΟΛΗ*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 482–492. (In Russian)

Gabrielyan, O.A. “Prakticheskaja i prikladnaja filosofii: pazly obshchej kartiny” [Practical and Applied Philosophy: Puzzles of the Overall Picture], *Sbornik materialov 3-j nauchnoj konferentsii* [Materials of the 3rd Scientific Conference], ed. by O.A. Gabrielyan. Simferopol: Tipografija “Arial” Publ., 2020, pp. 7–14. (In Russian)

Elizarov, V.P. ““Respublika uchenykh’: sotsial’noe prostranstvo ‘nevidimogo soobshchestva’” [“Republic of Scientists”: Social Space of the “Invisible Community”], *Prostranstvo i vremja v sovremennoj sotsiologicheskoj teorii* [Space and Time in Modern Sociological Theory], ed. by Yu.L. Kachanov. Moscow: Izd-vo “Institut sociologii RAN” Publ., 2000, pp. 103–127. (In Russian)

Kant, I. *Sochinenija* [Collected Works], 6 vols., ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman, vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1964, pp. 546–547. (In Russian)

Kopelevich, Yu.Kh. *Vozniknovenie nauchnykh akademij (seredina XVII – seredina XVIII v.)* [The Emergence of Scientific Academies (mid-17th – mid-18th Centuries)]. Leningrad: Izd-vo “Nauka”, Leningradskoe otdelenie Publ., 1974. 268 pp. (In Russian)

Le Goff, J. *Intellektualy v srednie veka* [Intellectuals in Middle Age], trans. by A.M. Rutkevich. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2003. 160 pp. (In Russian)

Mezhuev, V.M. *Ideja kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury* [The Idea of Culture. Essays on the Philosophy of Culture]. Moscow: Progress-Traditsija Publ., 2006. 408 pp. (In Russian)

Ogurtsov, A.P. *Ot naturfilosofii k teorii nauki* [From Natural Philosophy to the Theory of Science]. Moscow: Institut Filosofii RAN Publ., 1995. 317 pp. (In Russian)

Pirozhkova, S.V. “‘Chistaja’ ili ‘poleznaja’: kulturnij status nauki i perspektivy ego izmenenija” [“Pure” or “Useful”: The Cultural Status of Science and the Prospects for Its Change], *Philosophy of Science and Technology*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 52–67. (In Russian)

Porus, V.N. & Reznik, Yu.M. “O sovremennoj situatsii v otechestvennoj filosofii (23 marta 2020 g.)” [On the Current Situation in Russian Philosophy (March 23, 2020)], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2020, vol. XXII, issue 1–2 (no. 105–106), pp. 226–228. (In Russian)

Rozhanskij, I.D. *Antichnaja nauka* [The Ancient Science]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 198 pp. (In Russian)

Stepin, V.S. “Konstruktivnie i prognosticheskie funktsii filosofii” [Constructive and Predictive Functions of Philosophy], *Voprosy filosofii*, 2009, no. 1, pp. 5–10. (In Russian)

Uvarov, P.Yu. *Istorija intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoj Evrope (spetskurs)* [History of Intellectuals and Intellectual Labor in Medieval Europe (Special Course)]. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN Publ., 2000. 98 pp. (In Russian)

Schneiders, W. “Deus est philisophus absolute summus. O filosofii Khristiana Vol'fa i ponjatii filosofii” [Deus est philisophus absolute summus. On Christian Wolff's Philosophy and the Notion of Philosophy], transl. and comm. by O.M. Zelenina, ed. by G.L. Tul'chinskij, in: *Filosofskij vek. Almanakh 3. Khristian Volf i russkoe vol'fianstvo* [The Philosophical Age. Almanac 3. Christian Wolff and Russian Wolffianism], ed. by T.V. Artemieva, M.I. Mikeschin. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij tsentr istorii idej Publ., 1998, pp. 15–46. (In Russian)

Black, J. “Shape – A Focus on the Human World”, *Social Science Space*, 02 November 2020 [<https://www.socialsciencespace.com/2020/11/shape-a-focus-on-the-human-world/>, accessed on 31.08.2021].